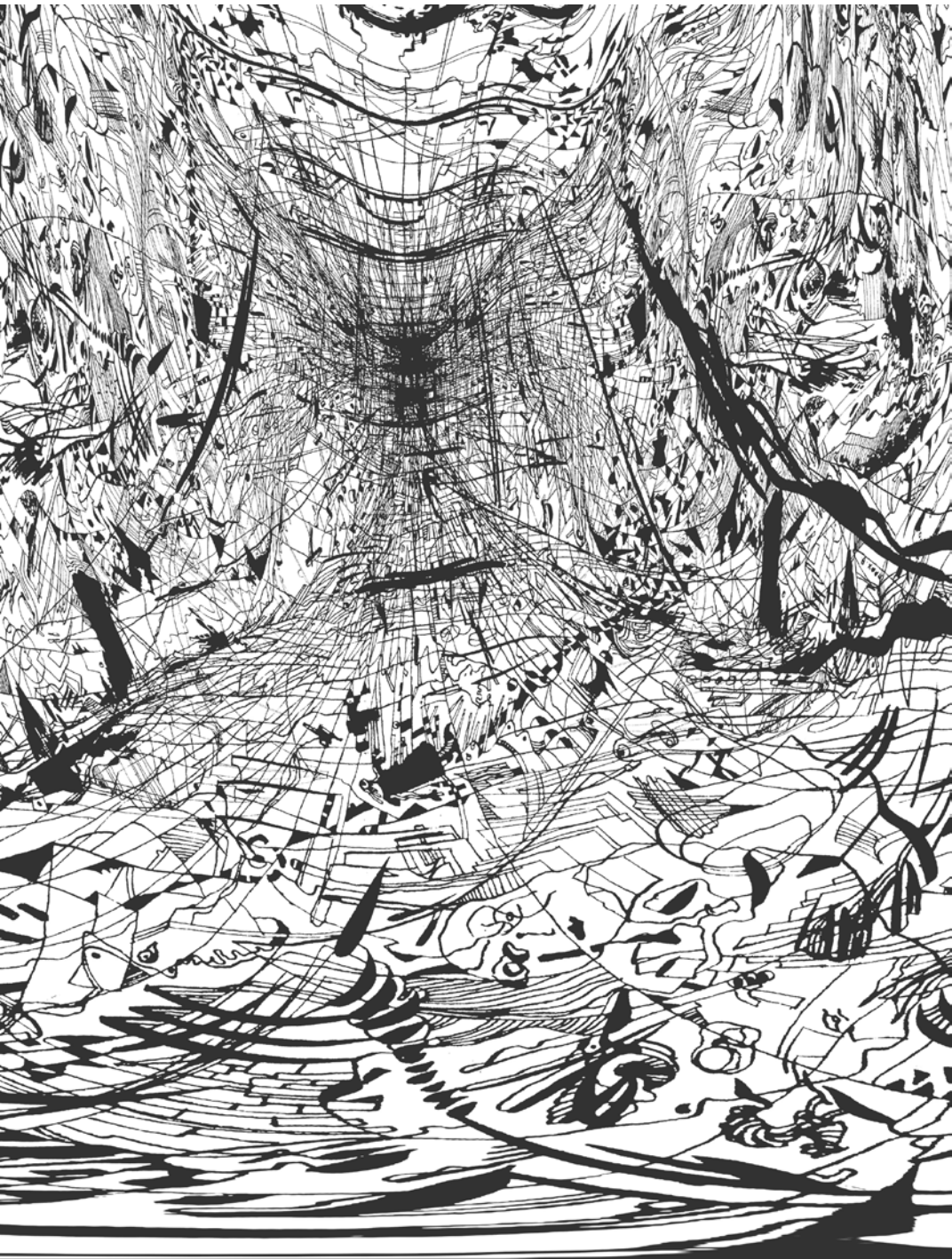

Продолжение. Начало — в №№ 26, 27

КУРС РЕЙГАНОВСКОЙ администрации на окончательное решение советского вопроса" путём разрушения или максимального ослабления СССР совпал с очень важными изменениями в развитии капитализма как системы. Капитализм в его нормально-системном производственном (т.е. промышленном) состоянии нуждается в некапиталистической зоне (в XIX веке это была зона докапиталистических обществ: естественных, модифицированных или искусственных, а в XX веке — зона системного антикапитализма), но она к концу XX века была практически исчерпана. С другой стороны, финансовый некапиталистическая (антикапиталистическая) зона не просто уже была не нужна, она стала активно, намного более активно, чем раньше, мешать, угрожать ему; от неё надо было избавиться как минимум по двум причинам. Во-первых, в складывающейся ситуации продлить жизнь умирающего капитализма и растянуть переход к посткапитализму под руководством севератлантических верховцев можно было, только поглотив и разграбив соцлагерь; сроки разграбления и стали временем, украденным капиталистическими верхушками у Судьбы, которая, впрочем, ничего не даёт навечно и, как правило, карает воров тем или иным способом.

Во-вторых, планирующим свой посткапитализм верхушкам Запада не нужна была альтернатива-конкурент, а СССР, даже отказавшийся от рыжка в посткапиталистическое будущее, такой альтернативой оставался. При его сохранении ни полноценная глобализация, ни тем более посткапитализм на основе демонтажа вышедшего в тираж капитализма его же хозяевами были невозможны. Поэтому системный антикапитализм — СССР — должен был быть разрушен. Однако сам Запад своими усилиями извне сделать этого не мог. Ему нужен был подельник внутри соцсистемы, суперплохих, который предаст наследие суперкабильнейшей. И такой подельник-плохих нашёлся, причём возник он не в результате какой-то случайности, а в соответствии с логикой развития общества системного антикапитализма. Он оформился на основе отказа советской верхушки от строительства "социалистического посткапитализма", выбора плоскостного аттрактора, консервирующего антикапитализм, и интеграции в капсистему. Именно в середине 1970-х годов в СССР начала активно формироваться группа, заинтересованная в смене социально-экономического строя, в превращении власти в собственность — но не в разрушении СССР.

Ни эти советские "короеды" или, как назвал их А.А. Проханов, личинки, притаившиеся в теле погибающего кита, ни западные антикоммунистические "ковбои" не понимали, что, руша СССР, они открывают "ящик Пандоры", что, решая одни свои проблемы, они создают ещё более серьёзные, ускоряя в мировом масштабе деградационно-деструктивную динамику, которая на рубеже 1980-х–1990-х годов разрушила СССР, а в начале 2000-х подорвала Запад, превратив его в Постапад, а ныне безжалостно крушит "постостатки" изнутри. Но вот всё ли мы знаем об этих внутренних механизмах? Подельцы некоторыми своими размышлениями и информацией. В 1945 году Сталин прекрасно понимал, что он нанес поражение агенту, но не хозяевам. Хозяева смастерили так, что, толкнув Гитлера на СССР, оказались по одну сторону исторических баррикад с социалистическим государством против Третьего рейха, а когда стало ясно, что СССР сам способен разгромить врага и русский солдат вот-вот омоем сапоги в Атлантике, открыли "второй фронт" — непосредственно против Рейха, косвенно — против СССР.

Сталин прекрасно понимал, что, победив Гитлера, СССР оказался один на один с единым Западом, возглавляемым мощным военно-экономическим гегемоном — США, и не исключено, что в этом противостоянии Союзу не выстоять. Согласно информации, которой поделился со мной очень знающий человек (сегодня его, увы, нет с нами), Сталин в самом конце 1940-х годов надиктовал некие заметки о том, как в случае разрушения СССР Западом сделать так, чтобы со временем всё равно подорвать Запад изнутри, заложив под него социально-политическую и идейную бомбу замедленного действия. Я бы назвал это "Завещанием Сталина".

Заметки не были программой, но из "кусочков" разрозненной информации следует, что тему разрабатывал Коминформ, а затем команда А.Н. Шелепина в бытность его секретарём ЦК КПСС по безопасности. На Западе, куда просачивалась информация, это называли "Планом Шелепина". Суть заключалась в автоматическом выдвижении на высокие властные позиции на Западе таких деятелей, которые независимо от своих взглядов и целей ввергнут Запад в смертельный кризис. Обеспечить это должна была сложная система интерловеров, доверенных лиц, агентов влияния, просто агентов, слепых агентов и "полезных идиотов". О чём-то подобном странным и не вызывавшим доверия американцами образом предупреждал их советский перебежчик А.М. Голлицин (перебежчик или ...?). В 1984 году, аккурат под перестройку, он опубликовал книгу "Новая ложь вместо старой" (New Lies for Old: The Communist Strategy of Deception and Disinformation. New York, 1984), но ему не поверили. Мы не знаем, работал "план

Шелепина" или нет, но разрушение Запада налицо. Правда, как заметил Л.В. Шебаршин, не стоит объяснять злым умыслом то, что является результатом глупости. Это верно, но, добавлю я, лучший способ спрятать злой умысел — это "укутать" его в глупость, по-шевыковски: "Осмелюсь доложить: идиот". Достаточно, например, посадить в кресла руководителей людей типа Горбачёва, Шеварднадзе, Ельцина, Гайдара и многих других, и злой умысел будет реализован под видом глупости, некомпетентности и т.д. Как знать, не использовал ли Запад "план Шелепина", если он действительно существовал, против СССР? Впрочем, Запад, который превратился в Постапад, это не помогло: у него свои горбачёвы и гайдары: "хренки" вроде Обамы, Саркози, Блэра, Джонсона, Макрона и прочий окопавшийся токсичный мусор.

...Возвращаясь к силам деградации и деструкции, выпущенным общими усилиями советско-западного гибридного субъекта, необходимо отметить: по злой иронии коварной Истории их первой жертвой стали советские "открывальщики" ящика и "поддливатели" цепи, на которой висел на дубе "сундук" с кощевой смертью, плохими, которые не на то ставку сделали. Ну, а потом и буржуинский дуб закачался, на данный момент — почти упал, породив безумный страх буржуинов: коронабесие, климатобесие и другие возмозные бесия — это страх смерти, страх, порождённый пониманием неминуемого конца системы и неуверенностью, что удастся перепустить Историю так, как хочется, и создать мир своей "новой нормальности".

В начале 1980-х годов на встречах курсах пересеклись два субъекта, решавших одну и ту же задачу — изменение социально-экономического строя СССР. Цели же у них были разные: если западный субъект делал это для максимального ослабления СССР и его экономического поглощения, то советский — хотел "войти в Запад на равных". Допустить это Запад не мог и не собирался — не для того планировалось изменить социальный

Андрей ФУРСОВ

Жизнь и смерть капитализма

ры потекли в американские банки и в СССР. Ну и, конечно же, возник нефтедоллар: вместо золота доллар прикипел к нефти. План Рокфеллеров сработал, СССР помог им в этом, одержав тактическую победу, но для страны и системы эта победа, как выяснится позднее, станет не просто пировой, а тяжёлым ранением.

Незапланированное пришедшие в страну миллиарды были лишь отчасти вложены в "законную экономику" СССР, что-то пошло в "надзаконную" (управлявшиеся Партией активы за рубежом, оформленные на "партнёров", или просто на подставные структуры и лица), огромная часть — в "подзаконную" — теневую, курировавшуюся КГБ и в меньшей степени — МВД (отсюда одна из линий конфликта между этими ведомствами). "Надзаконная" экономика была одним из средств проникновения СССР на Запад, встраивания в его экономику. Ещё одним средством такого встраивания, уже не только в экономику, но и в политику Запада, была так называемая "Фирма" под руководством Е. Питоварнова. "Фирму" не совсем точно называют личной разведкой Андропова — не точно, поскольку, во-первых, по-видимому, он лишь формально руководил ею; во-вторых, "Фирма" была чем-то более крупной и серьёзным, чем разведка.

ВМЕСТЕ С РЕЗУЛЬТАТАМИ так называемых косыгинских реформ (на Западе их называли "либерманизацией" — по имени харьковского экономиста Е. Либгермана, предложившего идею, а позднее эмигрировавшего в США) пришедшие миллиарды, точнее, процесс их раскладки, упаковки и размещения сформировал внутренний субъекта и среду, заинтересованных в "редактировании" социалистического строя на западный (как им представлялся) лад. Это был трёхглавый "советский Змей Горыныч": часть номенклатуры (прежде всего связанная с международными делами и внешней торговлей, в частности, Международный отдел ЦК КПСС —

сам по себе разведка и распределитель фондов, Внешторг и др.); часть КГБ; теневой "капитал". Это и есть внутренние "три источника, три составные части" разрушения системы и СССР.

У каждой из "частей" была своя финансовая база: размещаемые в банках средства "номенклатурной линейки", деньги теневиков. По-видимому, определённые проблемы в этом плане испытывал КГБ, формально являвшийся инструментом КПСС и не способный на равных конкурировать с её структурами, например, с тем же Международным отделом ЦК. Не стремлением ли создать перед демонтажом системы собственную финансовую базу, эдакий суперобшак, был продиктован инициаторуанный формально Андроповым (по сути — стоявшими за ним и, скорее всего, манипулировавшими несведущим в разведделах шефом генералами КГБ — чекистской "бригадой", сложившейся в 1940-е–1950-е годы) ввод советских войск в Афганистан? Эта страна — кладовая: рубины, изумруды, бериллы, кунциты, гиддениты, редкоземельные металлы бериллий и торий, лазурит и многое другое, чего не счесть в "каменных пещерах". И всё это под боком — "всё как будто под рукой, и всё как будто на века". Только век афганской кампании оказался коротким: закончился в один год с фактической сдачей Горбачёвым СССР и соцлагеря в Ватикане и на Мальте.

Впрочем, Афганистан не был единственным потенциальным источником суперобшачка для определённых ведомственно-клановых групп. На рубеже 1970-х–1980-х годов СССР вдруг резко активизировался в Африке (бывшие португальские колонии), Центральной Америке (прежде всего в Никарагуа). Впрочем, это была не столько игра СССР как государства-монопита, сколько более или, скорее, менее скоординированные действия ведомств-конкурентов, которые с разной степенью интенсивности грызлись между собой: КГБ, ГРУ (чей вотчиной совместно со Штази и полученным им наследством стала Латинская Америка) и, конечно же, Международный отдел ЦК КПСС.

Этот "растопыренный" тип экспансии отличался от тайной и явной государственной поступи 1960-х — начала 1970-х годов. Двумя другими отличиями были время (точнее, несвоевременность) и пространство (зона экспансии). Подходящим временем для давления на капсистему и её гегемона был рубеж 1960-х–1970-х годов, когда СССР инерционно продолжал подъём, а США находились в жесточайшем кризисе, и их можно было "ронять", насколько низко и глубоко — уже второй вопрос. К рубежу 1970-х–1980-х годов СССР не только стал слабее, но и утратил историческую инициативу, а Запад не только окреп, но и консолидировался. При этом, если в СССР идеология уже окостенела и не имела практического значения не только для низов, но и для верхов, то в англосаксонском ядре набирали силу новая идеологическая мутация — неоконсерватизм, мотивирующий активную часть элиты. Наконец, если на рубеже 1960-х–1970-х годов удары в той или иной форме можно было наносить "по штабам" буржуинов, то на рубеже 1970-х–1980-х годов это были локальные укусы на периферии — особого стратегического перевеса они не приносили, а главного противника лишь раззадоривали, т.е. в конечном счёте были контрпродуктивными. О трате ресурсов страны и подогревании межведомственного противостояния, ослабляющего Центроверх, я уже не говорю.

ЧТО КАСАЕТСЯ теневой экономики, то основные деньги — по наводке грузинских воров в законе ("лаварушников") — вкладывались в такуюю Грузию и Армению, тесно связанную с прибалтийскими республиками и через них — с Западом. Особое значение имела Армения, но не столько из-за запредельных уровней коррупции и развитой теневой экономики (эка невидаль в советских Закавказье и Средней Азии), сколько из-за наличия влиятельных армянских диаспор во Франции и США. Связь с ними была установлена давно — по линии курируемой с самого начала, почти личной разведки А. Микояна "Спюрк"; именно в этом была одна из причин его политического долготельства: "от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича". Показателем и символическим факт большого числа армянских фамилий вокруг Горбачёва — готовый канал связи.

"Законная" в теневую экономику часть нефтедолларов дала всходы уже через 10 лет, даже "крекс, фекс, пекс" говорить не понадобилось: в 1984 году объёмы теневой экономики уже можно было сопоставлять с бюджетом страны. Один умный человек, дважды срывавший в 1990-е годы аферы Чубайса, в 1984 году сказал: владельцы теневых денег вскоре потребуют их легализации, а себе — власти. И уж точно власти должны были потребовать кураторы этих владельцев, реальные властелины "теневых колец". Собственно, базовой операцией перестройки, акцией прикрытия которой были бла-бла-бла про демократию, гласность, права человека и прочую хрень, и была легализация теневых "капиталов" как один из путей смены строя, превращения власти в собственность, а тени — в хозяина. Но как Запад не мог в одиночку разрушить соцсистему и Советский Союз, так и в самом СССР заинтересованные в смене строя группы не могли сделать это сами, без участия Запада. Нужен был выход на мировой рынок, причём не такой, как раньше, а более, так сказать, мощный. И если закон "О кооперации" легализовал теневые капиталы, то закон "О государственном предприятии" позволил двум сотням предприятий выходить на мировой рынок, зарабатывать доллары, а в СССР обменивать их на рублн — первоначальное накопление капитала à la soviétique. Только процесс этот, выйдя из-под контроля и словам равновесия между налом, безналом и товарной массой, на котором держалась

советская экономика, подорвал и её, и сделочную позицию "реконструкторов" строя по отношению к западным подельникам ("партнёрам").

При этом необходимо отметить следующее. Во-первых, все перечисленные явления развивались на фоне и в контексте нарастания на рубеже 1970-х–1980-х годов кризисных явлений в обществе системного антикапитализма. Это касается практически всех сфер. Экономика, несмотря на внушительные количественные показатели, переживала структурный кризис; темпы экономического роста падали, снижались эффективность использования производственных фондов. Налицо был кризис планового хозяйства: оно почти прекратило своё существование, превратившись в ширму для "толкачества", "подработки плана", неформальных связей, "административного рынка" и, конечно же, теневой экономики. Последняя играла всё большую роль. С одной стороны, это была конкретная форма обмена чиновниками части власти на блага, не положенные им в соответствии с их местом в иерархически-ранжированной системе номенклатурного потребления. С другой стороны, именно теневая экономика позволяла удовлетворять те материальные потребности граждан, которые система удовлетворить не могла.

На XXII съезде (1961 г.) КПСС одной из главных задач провозгласила удовлетворение растущих материальных потребностей граждан, по сути толкая советский социум в направлении социалистического варианта общества потребления. Трудно сказать, что нанесло больший вред Советскому Союзу, — внешнеполитический "Брест-2" Хрущёва с Западом в 1955–1956 годах; доклад о "культе личности", из которого торчат "уши Куусинена", начало нефтяной авантюры или доктрина "удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей". В случае с последней дело здесь не столько в идеологии, сколько в том, что советская экономика не могла удовлетворить эти растущие потребности,

особенно на фоне демонстрационного эффекта со стороны Запада. Претензии населения к верхам (и чем дальше, тем больше) были просты: 1) обещали, но не можете; 2) наши материальные потребности удовлетворить не можете, а свои — можете, уже при коммунизме живёте. Отсюда — морально-идейная эрозия как низов, так и верхов, значительная часть которых всё больше развораживалась в сторону Запада.

При всём значении экономики ни одна система в истории не погибала в результате исключительно экономических причин — так же, как сугубо внешний фактор, если он не интериоризирован внутри системы и не обрёл двойное ("двойной массы") бытие, не может сокрушить социум. Социум гибнет в результате системного, т.е. целостного, а не просто суммарного кризиса. Ядром, воплощением, образующим элементом любой системы является господствующий слой, прежде всего его верхушка (в исторической России с её персонализированной властью это вдвойне так) в её социальной, управленческой и психофизической ипостаси.

В ЗАКАТНОМ СССР, так же, как и в предревлюционной Российской империи, экономика при всех проблемах так или иначе развивалась (соответственно, 3-я и 5-я экономики мира, причём СССР в отличие от России, от иностранного капитала не зависел), а вот система управления в обоих случаях сыпалась, отражая гнилость правящего слоя, его фрагментацию. В позднем СССР ведомственные интересы начали брать верх над государственными, клановые — над ведомственными, узкогрупповые и даже личные — над клановыми. По сути, это онкологическое заболевание системы, прежде всего — властно-управленческой. Как заметил Г. Смирнов, рак "возникает, когда собственные цели специализированных систем становятся выше целей всего целого, самовыживание органа становится важнее нормального функционирования организма. Можно говорить не только о раке человека или животного, но и о раке... отрасли производства, государства". Разбалансировка шла не только по планово-экономическому, но и по ведомственной линии. Усиливавшееся противостояние между теми, кого в постсоветское время назовут "силовыми", выплеснулось даже во внешнюю политику. КГБ (ПГУ) и связанная с ними часть Внешторга начинали играть одну игру, ГРУ — другую, Международный отдел ЦК КПСС — третью. Эти игры "подогревались" стремлением получить свою (и, желательно, побольше) долю от пришедших в страну "нефтяных миллиардов", которыми на внешнем контуре распоряжался прежде всего Международный отдел.

Можно с большой долей уверенности сказать, что ввод войск в Афганистан, помимо решения ведомственных задач "внутреннего КГБ" как самостоятельной силы, решал не менее, а возможно, и более важную задачу: военные действия, пусть и на окраине великой империи, не только увеличивали зону контроля со стороны КГБ и армии над ресурсами (включая средства от теневой экспорта нефти, драгметаллов, алмазов), над внешнебюджетной партией "чёрной кассой", но и усиливали их властно-сделочную позицию по отношению к КПСС, меняя соотношение сил в треугольнике "партия — армия — гсбезопасность". В известном смысле ГБ и армия ситуационно брали реванш у КПСС, и это при том, что далеко не все в руководстве ГБ и армии были сторонниками ввода войск в Афганистан, а в ЦК КПСС — противниками этого. Речь скорее должна идти о субъектах, формирующихся пусть и на основе существующих ведомств и преимущественно их интересов, но всё же и "поверх барьеров". И наилучшие позиции в межведомственном противостоянии получали те структуры, кланы и группы, которые были в наибольшей степени подклучены к формирующемуся на Западе глобальному миру финансистов и корпоратократов.

И последнее по счёту, но не по значению: на всю эту управленческую фрагментацию, усобицу, организационное дряхление накладывался психофизический или даже биологический фактор: дряхление и немощь советской верхушки — Политбюро ЦК КПСС. Мало того, что эти люди сформировались в условиях мировых политических и экономических реалий 1940-х — начала 1970-х годов и были ментально адекватны миру именно той, послевоенной, эпохи, завершившейся в начале 1970-х, и неадекватны новому, стартовавшему с самого начала 1970-х времени, они вдобавок и физически были "некондиционны", приближаясь к своему биологическому финалу и впадая не только в маразм, но и в избыточный пифизм и "недеяние". Таким образом, социальный кризис системы и, прежде всего, управления приобретал ещё и личностно-биологическое измерение. Для персонализированной автосубъектной власти это была катастрофа.

В то же время на Западе (за редким исключением, в лице Рейгана) в 1970-е годы на роли высокопоставленных клерков мировая верхушка выдвинула новое поколение политических лидеров — относительно молодых, агрессивных и начинавших смотреть на слабейший СССР не столько как на партнёра или даже противника, сколько как на потенциальную добычу. В те же 1970-е годы на Западе, как грибы после дождя, выросло огромное количество новых "фабрик мысли", заточенных на контр наступление против СССР. Их возглавляли и в них работали мотивированные люди — патриоты своих стран и защитники своих ценностей. Среди них было немало интеллектуалов нового поколения — бывших троцкистов или просто левых, которые ненавидели и СССР, и "старое левое движение" на Западе, и его социальную основу — рабочий класс. Как тут не вспомнить Сталина: пойдёшь направо — придёшь налево, пойдёшь налево — придёшь направо; диалектика".

Советские Институт США и Канады или, например, ИМЭМО, при том, что там был не только околонуучный балласт, но и замечательные исследователи, назвать "фабриками мысли" язык не повернётся. С одной стороны, они были жестко ограничены идеологией, с другой — в неформальном плане, большая часть сотрудников была повернута в сторону Запада и вовсе не была идеоло и ценностно мотивированной в советском, социалистическом плане. Последнее в ещё большей степени характеризовало устойчивую не то бригаду, не то команду из двух десятков представителей интеллектуальной obsługi "советских вождей" в двадцатилетие между (условно) 1965-м и 1985-м годами, всех этих бовиных-арбатовых-черныевых-шишлиных и пр. Им тягаться с западными "фабриками мысли" было "как школьнику драться с отборной шланой" (В. Высоцкий). Да и не хотели, не собирались они драться, они хотели дружить. И додружились, сыграв, кстати, свою роль в воспитании молодого поколения номенклатурщиков, добравшихся до высот власти на рубеже 1970-х–1980-х годов.

В СССР в конце 1970-х, т.е. с запозданием на десятилетие по сравнению с Западом, к власти тоже пришло новое, более молодое поколение. Но лучше бы не приходило: то были беспринципные карьеристы с узким провинциальным кругозором ("Коротенькие у тебя мысли, Буратино"). Если "старики", сошедшие в первой половине 1980-х, были в массе своей фронтовиками, ощущали себя победителями, не испытывали комплекса неполноценности по отношению к Западу и ощущали себя на равных с западными лидерами, то все эти горбачёво-шеварднадзе и пр. смотрели на западных лидеров снизу вверх. Да и партийную карьеру при соблюдении всех ритуалов и "ку" по отношению к партии, её мудрому руководству, "лично товарищу Леониду Ильичу Брежневу", марксистско-ленинской идеологии и советскому народу эта публика делала с пово-

ротом головы на Запад. Они привыкли заверять кремлёвское начальство в верности, а когда их "Кремль" переехал в Вашингтон, стали хулойски заверять тамошнее начальство, что коммунизм в России не возродится.

В сухом остатке: ситуация, сложившаяся в СССР как социуме системного антикапитализма, была логической и закономерным результатом того, что во второй половине 1960-х годов советская верхушка отказалась от рыжка в посткапитализм. Это стало началом постепенного превращения структурного кризиса советского общества в системный. Курс США на внутреннее изменение социально-экономического строя СССР вместо его внешнего сдерживания резко ускорил интеграцию определённых сегментов партноменклатуры и ГБ в капсистему, превращение их в операторов теневого мирового рынка, и, следовательно, — деградацию системы. Структурный кризис усилился извне и изнутри, соединившись синергетически, стремительно превратили в кризис системный, быстро переведа последний в терминальную стадию. Эта быстрота в определённой степени была обусловлена тем, что в условиях рушащейся системы на поверхность всплыли реликты досоветского прошлого. Для них советская "партократия", её система, а также — внимание! — советский народ были таким же врагом, как для антисоветских элементов самой системы, националистов её окраин и Запада.

Сын убитого власовца и внук расстрелянного колчаковского офицера, делавшие карьеру "на крючке" ГБ (на этот "крючок" они ГБ потом и подвесили), правнук царского камергера, банкир из Нью-Йорка и спецслужбист из МИ-6 дружно объединили свои усилия в борьбе против загибающегося по собственной логике и по причинам внутреннего и общимиrowого (поскольку антикапитализм был и мировой системой) характера. Как говорил один из героев романа В. Галактионовой "5/4 накануне тишины": "Самое опасное — это недобитки. Поэтому что выживут, окрепнут, разостроятся среди победивших и взорвут всё изнутри, ...эти малы взорвут и принесут в будущем потрясения стране: смерти, голод, перевороты, мор. ...Они плодятся. Их гены уже во внуках скоро дадут себя знать самым роковым образом. Их становится во власти всё больше — в верхах, в самом сердце партии. ...Материки всплывают... Цельный материк!"

Но вернёмся в 1988–1989 годах. Благодаря обрушению советской экономики Запад переживал процесс демонтажа системы, и логика событий повела его к разрушению не только её, но и СССР, чьих планы разрушения были подготовлены намного раньше. Неслучайно М. Облбайрт главной заслугой Дж. Буша — старшего называет именно руководящий распадом Советской империи. Впрочем, даже в 1991 году Запад в СССР мог далеко не всё. Мог, например, частично поругить "путчем", используя неадекватность, простоту (которая порой действительно хуже воровства) и несоответствие обстоятельствам тех, кто сварганил ГКЧП, став объектом манипуляции прежде всего британцев. Но вышло как вышло, и с 1992 года руками ельцинской своры, всех этих гайдаро-чубайсов велос разграбление Западом, западным капиталом бывшего соцлагеря, бывшего СССР, а прежде всего — РФ, оказавшейся в ельцинские времена под внешним управлением и начавшей превращаться в то, что выше я назвал коЛесом. Грабёж отодвинул кризис капсистемы на 15 лет. Это полуторадесятилетие в мире характеризовалось следующим:

1) С окончанием Холодной войны мировой рынок был наводнён дешёвым природным сырьём: газ, нефть, металлы; это был результат экспроприации российской промышленности под видом приватизации.

2) Одновременно произошёл беспрецедентный (со времён советской индустриализации) рост иностранных вложений. Их объектом стали Китай. Эти инвестиции в значительной степени были обусловлены притоком средств, полученных в результате разграбления России, или, как ещё писали на Западе, "изнасилования России" (rape of Russia). Вложения в китайскую экономику реально продвинули реформы, начатые Дэн Сяопином при американско-британской поддержке, и на рубеже XX–XXI веков мир оказался завален дешёвым китайским барахлом.

3) Страны НАТО снизили (как оказалось, на время) военные расходы и смогли перебросить часть освободившихся средств на социальные программы.

Всё это вместе взятое — шальные деньги от грабежа соцлагеря/России, деньги от частичного сокращения военных расходов, возможность сэкономить, покупая дешёвую китайскую продукцию, — создало впечатление небывалых прогресса и изобилия, возникших после разрушения СССР. Ф. Фукуяма провозгласил это временем "конца истории". И вдруг — облом: страшный, небывалый со времён 1929–1932 годов экономический кризис 2008 года. А ведь умные люди за год до кризиса предупреждали: "Шаги командора" уже слышны. Но их не слышали. Постапад (и не только он) продолжал дёргаться в конвульсии потребности, люди набирали немислимые кредиты, и — бах! Эта ситуация очень похожа на совокупление и оргазм некоторых видов богомола: самка в ходе коитуса (который иногда длится 5–6 часов) почти в самом начале откусывает голову самцу, семенная жидкость продолжает перетекать в самку, а самец уже мёртв — он ещё дёргается, но это оргазм, переходящий в агонию. Самка откладывает яйца, а затем возвращается и доедает самца: ей и потомству нужен белок.

Иллюстрация: рисунок Василия Проханова «Шкуродёр»

Окончание следует